

Моск. новости - 1997 - 20-27 апр. - с. 21

Марк Горенштейн и «Молодая Россия»

ВСТРЕЧА

В последнее время оркестр «Молодая Россия» у многих на слуху – не в последнюю очередь и потому, что его можно часто услышать: он концертирует главным образом в собственной стране. Музыканты, оправдывая название оркестра, сплошь молодые, им немного за 20.

Его первое выступление состоялось в ноябре 1993 года под управлением главного дирижера оркестра Марка ГОРЕНШТЕЙНА, с которым беседует наш корреспондент Светлана АНТОНОВА.

– Когда позвонили мне из Москвы – я тогда работал за границей, – вспоминает Марк Горенштейн, – и предложили возглавить оркестр со странным названием «Для детей и юношества», я тут же примчался. Быть может, это звучит громко, но я действительно вдруг понял, что мои знания, опыт, усилия и мечты нужнее всего дома, где наконец-то появился шанс попробовать сделать жизнь достойнее, человечнее... Ну и так далее.

Я объявил конкурс, полностью сменил состав (прежние музыканты были довольно слабые, в возрасте) и засучил рукава.

– Как складывалась судьба «Молодой России»?

– Да так же, как и жизнь самой страны. Возрождать государство, скажем так, столь самобытное, непросто. Вот эту непростоту, «самобытность» оркестр и вынужден отражать в своей биографии... Впрочем, все симфонические оркестры в России испытывают приблизительно одни и те же трудности. С той только разницей, что коллективы, существующие много лет, могут время от времени поправлять свои дела за счет зарубежных гастролей. Мы только начинаем ездить.

– Вы имеете в виду материальные трудности?

– К сожалению, от них никуда не деться. Начиная с качества инструментов и кончая профессиональным уровнем оркестрантов. Особенно сейчас, когда изменилась пропорция между количеством музыкантов (в частности, скрипачей) и числом оркестров. Первых после колоссального оттока во все части света осталось катастрофически мало. Зато симфонических оркестров в одной только Москве родилось за эти годы невиданное количество! Невиданное для любой страны, даже самой развитой и благополучной.

– Может быть, этому нужно радоваться?

– Может быть. А может, и нет. В свое вре-

Марк Горенштейн

мя, когда я, приехав из Кишинева, поступал в оркестр Большого театра, нас, борющихся за единственное вакантное место, оказалось шестьдесят человек. То же самое было и потом, когда я поступал уже в оркестр Светланова: нужен один скрипач, а претендентов за полсотни. Лишь такой серьезный отбор позволял дирижеру собрать лучших из лучших. Другое дело, что немало хороших музыкантов оставалось невостребованными: оркестров раз-два и обчелся, а уехать из страны было сложно. Сегодня все наоборот: нужны десятки скрипачей, а приходит

один – и тот играть не умеет!

– Получается несколько парадоксальная ситуация?

– Так ведь большинство оркестров недоукомплектованы, одни и те же музыканты бегают с концерта на концерт, затыкая дыры. Разумеется, ради заработка бегают, ибо везде платят приблизительно одинаково, то есть копейки. А дирижеры вынуждены опускать планку.

– Но ведь ни в Европе, ни в Америке оркестры мирового класса не состоят лишь из музыкантов своей страны. С любым подпишут контракт, если он пройдет по конкурсу.

– Вот именно! Но кто поедет к нам и что мы можем предложить? «Прожиточный минимум»?

– А что вы предлагали своим молодым, что обещали?

– И почти четыре года назад, и сейчас твердо могу обещать одно: каждый, кто пожелает стать хорошим профессионалом, обязательно станет им. Разумеется, если готов вкалывать до сто седьмого пота.

– Как вам работаете с молодым оркестром?

– Конечно, интересно, но с другой стороны, для достижения любой задачи приходится затрачивать намного больше усилий, чем это требуется ну хотя бы в смешанном по опыту коллективе. Да и состав оркестра постоянно об-

новляется, на сегодняшний день он сменился процентов на 70, переманивают в другие оркестры, обещая большую зарплату или частые зарубежные гастроли. Вот и приходится без конца начинать с чистого листа.

Но ребят можно понять. Спасибо и на том, что в новых коллективах они поминают меня добрым словом, дескать, в оркестре Горенштейна дают профессию. Приятно, конечно, как и то, что моих музыкантов частенько приглашают поиграть на концертах других оркестров. А вот к нам прийти подработать соглашается далеко не каждый: нужно зубрить, играть каждую ноту.

– Неужели так слабо готовят студентов, что приходится обучать молодых таким элементарным вещам, как уважительное и грамотное отношение к музыкальному материалу?

– Проблемы с обучением возникают тоже из нашей нищеты, от которой и преподаватели бегут за рубеж. А пригласить известных профессоров, скажем, из Англии, естественно, не можем, они свой труд ценят высоко.

– Рассказывают, что свою энергию вы расходуете не только на обучение музыкантов профессии, что вам до всего есть дело: как оркестранты сидят за пультом, как одеваются в гастрольных поездках и даже как проводят там свое свободное время.

– Не уверен, что правильно поступаю. Но быть недоступным мэтром – не мой стиль. Переживаю за своих музыкантов, может быть, и потому, что по себе знаю, насколько важны не только для профессионала, но и для становления личности первый коллектив, первый дирижер, сама атмосфера в оркестре. Я-то начал зарабатывать музыкой рано, в тринадцать лет, правда, сначала в джазовом оркестре. Но зато сразу наравне со взрослыми, а вскоре даже стал концертмейстером в группе струнных.

– Как вы строите репертуарную стратегию оркестра?

– Конечно, хорошо бы ее иметь, но время и здесь диктует свои условия. Например, мы совсем не играем не только авангард, но и вообще XX век, скажем, Бартока, Стравинского... Публика, к сожалению, не готова воспринимать такую музыку, и винить ее в этом нельзя. Людям живется трудно, они хотят отдохнуть, а не напрягаться, чтобы осмыслить сложный замысел композитора. Куда легче расслабиться под Моцарта, Вивальди... Мы даже нашего величайшего гения Шостаковича умудрились сделать непонятным, «некассовым». То долгие годы запрещали его музыку, то теперь перекармливаем ею под эгидой фестивалей.

– Есть ли среди ваших слушателей «новые русские»?

– Думаю, нет. Сужу по своим беседам с этими людьми, когда посещаю их роскошные офисы: спонсоры приходится искать самим. Пытаюсь объяснить им, что искусство необходимо поддерживать хотя бы ради собственных детей, вдруг те захотят однажды пойти на концерт в консерваторию, а слушать будет некого, все разведется. Мои богатые собеседники и представить себе этого не могут. С чего вдруг дети «захотят», если родители в консерватории этой ни разу не бывали?! На Западе выгодно быть меценатом: если ты вкладываешь деньги в культуру, тебе и налоги снижают, и от граждан почет и уважение. Будем надеяться, что и к нам это придет. Вопрос – когда?